

Есть ли будущее у философии?

2009-й для российской философии – необычный год! В этот год Всемирный день философии по решению ЮНЕСКО будет проведен в России. В этот год мы празднуем славный юбилей: 80-летие Института философии РАН. И в этом же году пройдет V Всероссийский философский конгресс. Случайное совпадение или знак из космоса?

У такого года должен быть хороший старт. Поэтому «РФГ» задала ключевой вопрос, вынесенный в заголовок, выдающимся российским философам – академикам РАН: Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову, Вячеславу Семеновичу Степину, Теодору Ильичу Ойзерману и Владиславу Александровичу Лекторскому. Их совокупный ответ – своеобразный «код ДНК», определяющий развитие современной российской философии.

«РФГ»: Говорят о «конце философии» – вы разделяете эту точку зрения?

Т.И. Ойзерман: Заявления, что философия умирает, что у нее нет будущего – делались уже несколько столетий, еще Людвиг Феербах говорил: «Keine Philosophie ist meine Philosophie» – моя философия это не философия. Карл Маркс тоже утверждал, что он и Энгельс отрицают философию, а потом Энгельс поправил: они отрицают философию в старом смысле слова. Вообще говоря, всякое отрицание философии, если оно теоретически обосновано, уже оказывается новой философией – это своеобразный самообман. Что же касается будущего философии в широком смысле слова во всем мире, то поскольку философия есть свободно размышляющий разум, сплошь и рядом не считающийся ни с какими нормами и готовый к любым парадоксам, к самым бесстрашным выводам – в этом смысле философствование внутренне присуще людям, поскольку они могут смело и свободно мыслить.

В.С. Степин: Мнение что философия умерла – уже высказывалось в постмодернистской литературе, но аргументации там особенно серьезной нет. Это мнение находится в русле алармистских идей о том, что все кончается – кончается демократия, кончается цивилизация и т.д. Но я думаю, что развитие цивилизации будет продолжаться, история человечества не закончена, а, следовательно, не закончена и философия. Основной стержень философии состоит в том, что она подготавливает изменения социальных отношений общества в целом. Философия представляет собой деятельность, связанную с критическим осмыслением базисных ценностей культуры и выработкой новых ценностных ориентиров, новых жизненных смыслов. Эти жизненные смыслы зафиксированы в категориях культуры – человек, свобода, справедливость, природа и т.д. В разных культурах эти категории имеют разный смысл, люди по-разному строят свои отношения к природе, к обществу, по-разному понимают

справедливость, хотя, разумеется, есть общечеловеческое содержание категориальных смыслов. Эти смыслы, когда они существуют и работают в самой культуре, определяют человеческое мировидение, определяют не только осмысление и понимание мира, но и его переживание. Люди эмоционально относятся к природе, пространству и времени, они не просто мыслят об этом. Такое осмысление связано с оценками, с ценностями, а значит и с переживанием людьми определенных ситуаций социальной жизни. В этом отношении можно сказать, что глубинное содержание, глубинный смысл категориальных структур культуры, которые часто называют концептами, мировоззренческими универсалиями, категориями культуры, программируют человека, его поведение, деятельность. Все эти смыслы можно рассматривать как своеобразные предельно обобщенные программы человеческой жизнедеятельности, если угодно – ДНК социальной жизни, ее геном. Опираясь на него, общество воспроизводит себя, воспроизводит на одних и тех же основаниях. Но наступает момент, когда воспроизводство социальной жизни становится затрудненным: возникают новые виды деятельности, изменения в технологиях, в отношениях людей, а жизненные смыслы остаются до поры до времени старыми, и они перестают «сцеплять» виды деятельности, перестают организовывать социальную жизнь. Тогда наступают очень трудные периоды в развитии общества, периоды, которые шекспировский Гамлет обозначил так: распалась связь времен. Люди не знают, что взять от традиции, от отцов и дедов, что передать детям и внукам. Наступает период критического осмысления того, что было раньше основанием культуры соответствующей эпохи, в которой люди жили, что раньше не осмысливалось ими, а просто принималось как само собой разумеющееся. Такие переломы социальной жизни рождают кризисы, и выход из этих кризисов сопряжен с критическим анализом прежних мировоззренческих универсалий и выработкой их новых смыслов.

Как только этот процесс начинается, считайте, что возникает проблематика философии. Когда древний грек приходил к Сократу и говорил: Сократ, научи жить добродетельно, Сократ его спрашивал – а ты понимаешь, что такое добродетель? Давай подумаем вместе. Лгать – добродетельно? Нет, отвечает собеседник Сократу. А вот если ты дал ребенку горькое лекарство, сказал, что оно сладкое, чтобы он выпил и выздоровел, ты его обманул, но он выздоровел, ты совершил добродетельный поступок – выходит не всякая ложь является недобродетельной. Вот так начинается уяснение все более и более глубокого смысла категории «добродетель». Философия выявляет мировоззренческие основания культуры, выносит их на суд разума, начинает анализировать их. Первый этап этого такого анализа – это превращение мировоззренческих

универсалий в философские категории. В начале они выступают как смыслообразы («логос – огонь» Гераклита, «дао» – китайской философии и т.п.) Здесь философия ближе к литературе, к искусству, еще не исчезает пласт переживаний, он сохраняется в философском анализе. Философия и в последующем развитии не утрачивает этой связи. Она может осуществляться и в форме литературных произведений (Достоевский, Толстой, Сартр).

Но есть и второй пласт философской работы, когда философия начинает оперировать с первичными смыслообразами как с исходным материалом. Она еще раз их рационализирует, схематизирует, превращает в достаточно жесткие, строгие понятия и затем оперирует с ними, примерно так же, как математик оперирует с числами, с функциями, с геометрическими фигурами. Она выясняет связи категорий и находит их новые определения. И таким путем вырабатывает новые жизненные смыслы. Это – теоретический этап философии. Новые смыслы адресуются будущему, включаются в поток культурной трансляции. Причем философия делает это не только в периоды кризисов, а постоянно. И наступает эпоха, когда новые смыслы оказываются востребованными. Тогда они «обрастают» публицистикой, стимулируют новые религиозные и политические движения и с высот философской абстракции погружаются в основания культуры, становятся ее новыми мировоззренческими универсалиями. Вывод: философия нужна, пока общество развивается. Если общество перейдет в состояние непрерывной стагнации, не будет развиваться – тогда философия выродится в миф, в религию, перестанет быть философией.

Сегодня мы переживаем период кризисного состояния и перелом в развитии цивилизации, период смены ценностей, и здесь очень важна философская работа. Философия особо востребована в такие эпохи. Она становится не просто абстрактно-теоретической деятельностью, а сугубо практической наукой. Ответить на современные исторические вызовы главная задача философии наших дней.

В.А. Лекторский: Есть ли будущее у философии? Из истории философии видно, что этот вопрос поднимался всегда, и ответы были двух типов. Один тип ответа: будущее у философии есть, но! – будущее моей философии, у остальной философии будущего нет. Было немало выдающихся философов, которые считали: найдено решение такого-то круга основных философских проблем, получена истина в последней инстанции, все – дальше возможно преподавание, уточнения, детализация, но принципиального развития философии быть уже не может. Приведу только два примера. В средние века, в католической церкви

возникло философское учение – томизм (он до сих пор существует и весьма популярен): Фома Аквинский считал, что применил идеи Аристотеля к учению Христа. И поэтому в средние века слово «Философ» писали с большой буквы, поскольку считалось, что был один философ – Аристотель. И также, например, после Канта многие кантианцы считали, что Кант ответил на все вопросы, принципиальных изменений уже быть не может, философия пришла к конечному решению.

Второй тип ответа: будущего у философии нет, поскольку она претендовала на понимание мира, но потеряла право на существование с возникновением позитивной науки. Огюст Конт считал, что история культуры и мысли делится на три этапа: преобладание религии, затем на смену религии в попытке объяснить мир пришла философия, а третий этап – позитивная наука; с ее приходом философия уже никакого смысла не имеет. То, чем она занималась – псевдопроблемы, они были неправильно поставлены, поэтому-то философы не могли их решить, но сейчас философию заменит наука. Эта идея, популярная на Западе в XX веке, и сейчас еще не исчезла и имеет название – аналитическая философия, т.е. не философия в традиционном смысле, здесь название «философия» сохранено условно, это выход за рамки философии, некоторая аналитическая деятельность и, прежде всего, анализ языка науки.

В наше время идея конца философии вновь популярна, теперь уже у такого широкого движения, как постмодернизм, правда, тут подход особый. Если для позитивистов, аналитических философов – истина существует, и наука ее находит, то постмодернизм считает, что никакой истины вообще нет, каждый по-своему может философствовать, и большого смысла это не имеет; на смену философии приходит литературная критика, выражение субъективных предпочтений, собственных эмоций, и т.п.

Выскажу свою позицию – и, я знаю, есть философы, как у нас, так и на Западе, с близкими мне идеями: философия будет существовать до тех пор, пока существует сам человек. Во-первых, человек – метафизическое существо, он не может не ставить вопросы – каков мир и каков сам человек – потому что, если человек не понимает ситуации, в которой живет, ему не ясно, что делать, как и почему делать, что лучше и что хуже, зачем вообще жить и др. Во-вторых, окончательного ответа на эти вопросы нет – меняется человеческий мир и меняется сам человек, т.е. общие философские вопросы в каждом новом культурном контексте получают спецификацию и требуют новых ответов. Современное вторжение науки и техники в виде новых информационных технологий, компьютеров, сотовых телефонов, Интернета колоссально меняет

нашу жизнь, делает человека другим, поэтому таких вопросов все больше и больше, они заставляют нас искать на них ответы, поэтому и философия как способ осмысления мира и самого человека будет всегда.

С другой стороны, философия в поисках этих ответов меняет самого человека; философия есть самосознание человека и культуры в которой он живет, но она же и – критика этой культуры, этой ситуации, она выводит за рамки того, что сейчас есть, она способ самопреображения человека и его мира. Она предлагает новые образы мира и человека, и, если эти образы принимаются, они меняют ситуацию на новую, и в этом смысле философия – динамический компонент культуры, выводящий ее за наличные рамки,двигающий ее вперед. Поэтому, пока есть культура, пока есть человек – философия будет.

В этом смысле, я считаю, в известном высказывании «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» Маркс не совсем прав. Конечно, мир надо изменять, но философия всегда как раз и изменяла мир – в разные времена она по-разному, в разных формах, но всегда играла важную роль в изменениях того жизненного мира, в котором человек живет. А сейчас – тем более, ее преобразующая, конструктивная роль становится все более ясной.

Усиливаются две тенденции. Во-первых, раньше философия была интересна, помимо философов, еще и ограниченному кругу людей; в античности это был небольшой круг образованных людей, которые изучали философию из любознательности и в качестве средства интеллектуального и морального воспитания, в средние века теологи интересовались вопросами философии, которая должна была помочь рациональному осмыслению истин религиозного откровения, затем философия стала интересной для учёных, которые прокладывали новые, революционные пути в познании, это было и в 17 и 18 вв, в период первой научной революции, и в 20 веке. Когда ученые – Эйнштейн, Бор, Гейзенберг создавали новые теории в физике, когда Гильберт и Орссел занимались вопросами обоснования математики, они неизбежно приходили к постановке философских проблем. Сегодня же философия начинает интересовать многих людей, в том числе тех, кто специально не занимается теологией или теоретической наукой. Если раньше человек жил более или менее по инерции, повторял то, что было до него, то сейчас он оказывается в непривычной ситуации, когда неясно, куда идти, что делать, старые способы понимания и действия не срабатывают, он просто теряет ориентацию, и вот тут философия становится все более важной для многих. Целый комплекс наук стал изучать познание и сознание – исследования искусственного интеллекта, нейрофизиология, нейролингвистика,

когнитивная психология – и философы активно участвуют в этом движении. А, с другой стороны, востребованы направления прикладной философии, прикладной этики, философии для детей – не случайно введение преподавания философии в школе (известный курс в США, и у нас, кстати, есть начинания такого рода). Меняется жизненный мир обычного рядового человека и философия начинает активно влиять на мир людей.

Разумеется, если возникнет так называемый «постчеловек», о котором сейчас говорят, некое полумеханическое существо, может быть, ему и познавать ничего не надо будет, тогда и философия ему будет не нужна – дай Бог, мы до этого не дойдем. Или – если человек сам себя уничтожит, что, кстати, возможно, для подобных предположений, к сожалению, есть основания. Но в целом у меня оптимистическое представление о будущем философии, я не понимаю идеи конца философии – якобы она себя исчерпала – и считаю, наоборот, что она все более выявляет свое значение для человеческой жизни.

А.А. Гусейнов: У философии нет будущего, философия кончилась – такого рода мысли высказываются не в первый раз в истории интеллектуального развития Европы. А в настоящее время особенность таких утверждений в том, что их делают сами философы, делают шумно, вылилось в целое интеллектуальное движение, которое неопределенно именуется «постмодернизмом» – оно возникло во Франции, потом получило широкое распространение в мире и, насколько можно судить, уже сходит на нет. Интеллектуальная мода тоже, видимо, имеет свой срок жизни. Аргументы в обоснование того, что философия не имеет будущего, что она закончилась – разные, но основной аргумент, акцентированный в настоящее время, следующий: мол, философия с ее многозначными категориями, апелляцией к метафизическим постулатам может стать и становилась орудием идеологии, использоваться для демагогических целей, и в этом качестве философия противостоит идее индивидуальности, идее личности.

На мой взгляд, с постмодернизмом в этих выводах и суждениях невозможно согласиться. Тем не менее, сам факт его возникновения и шумного успеха является симптоматичным. В философии исторически были разные качественные стадии, периоды развития и при переходе от одной стадии (эпохе) к другой в качестве промежуточного звена всегда возникала ситуация неопределенного состояния философских умов, своего рода «философский анархизм». Возьмем, скажем, переход от ранней греческой натурфилософии к философии классического периода, когда основным предметом философии стал человек, т.е. переход от Фалеса и Гераклита к Сократу, Платону, Аристотелю: между ними было переходное звено – софисты, первые философы-радикалы, анархистствующие

философы. Их функция как раз и состояла в том, что они разорвали традицию, обеспечили радикальную смену философских приоритетов. Таким же переходным состоянием была философия Возрождения, она заполнила промежуток между средневековой религиозной философией и философией Нового времени, которая уже была ориентирована на науку и для которой не религия, а научный пафос, научные методологии были решающей основой. Соответственно, и появление постмодернизма с его тезисом о конце философии, о том, что философия не имеет будущего – как мне кажется, это симптом того, что завершился важный качественный период развития философии, и она стоит перед новыми вызовами.

И в этом смысле будущее философии зависит от ее способности сформулировать это будущее – для общества, для людей, для человечества – в этом я вижу основную проблему. Ведь кризис именно в том, что новая ситуация, которая образуется в мире, и новая человеческая ситуация, связанная, с одной стороны – с глобализацией, а с другой – с совершенно новыми технологиями, которые ставят вопрос о возможности изменения самого человека, о переходе к какой-то постчеловеческой стадии – все это является серьезными вызовами для философии и ее возможность ответить на эти вызовы как раз и определяет будущее философии.

Вообще, понятие «будущее» существенным образом связано с самой философией: откуда мы знаем, что существует будущее у человека и человечества? Откуда мы берем само это представление о будущем – не как о физическом времени, а о будущем как о некой исторической ценностной категории? Мы знаем об этом через философию, которая задавала некий идеальный образ мира, и этот образ рассматривался людьми как перспектива совершенствования человека и человечества. Поэтому вопрос о том, есть ли будущее у философии, это, вообще-то говоря, вопрос о том есть ли будущее у человека и человечества, потому что о самом этом будущем в принципиальном смысле мы можем судить только через философию. А эмпирические науки – историческая хронология, футурология, прогнозирование и т.д. – это уже следствия. Нам нужно иметь принципиальное представление о человеке и обществе как исторически развернутых реальностях, только в этом представлении возникает будущее. Представление о будущем возникает именно там, где будущее как бы приобретает реальный смысл, становится частью настоящего, частью реальности, как некая точка, куда эта реальность ориентирована.

«РФГ»: а что можно сказать о российской философии, ее будущем?

Т.И. Ойзерман: В советское время философии у нас не существовало, существовало преподавание философии, т.е. преподавание работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и чего-то из «Анти-Дюринга» Энгельса, я был одним из таких преподавателей и могу сказать: в тоталитарном государстве, в системе государственной идеологической монополии и полного идеологического изоляционизма по отношению к другим странам, другим учениям – преподаватели были, а философов не было, потому что не было свободно мыслящих людей. Для того, чтобы прочесть труды зарубежного философа, надо было получить специальное удостоверение на вход в специальное хранилище, да и то не все там можно было прочесть. Сама возможность философствования появилась с тех пор, как рухнул социализм и мы вступили на новый путь и на этом новом пути при всех трудностях и противоречиях, которые мы испытываем, философия начала успешно развиваться. В Московском университете, в Институте философии и в других учебных заведениях за пределами Москвы сегодня имеются талантливо мыслящие и талантливо пишущие философы. Что касается Института философии, я могу назвать недавно умершего В.В. Бибихина, могу назвать Э.Г. Соловьева, В.А. Подорогу – все это талантливые, сравнительно молодые люди, я говорю сравнительно молодые, потому что философы сравнительно молодые это люди 50-60 лет, а то и больше. И тот факт, что Институт философии ежегодно выпускает чуть не тридцать книг, из которых хотя бы десяток заслуживает серьезного внимания и изучения – чрезвычайно показателен. Потому что я знаю Институт философии былых времен: до войны он в год выпускал едва ли одну книгу, а «Ученые записки» выпускались раз в год или раз в два года. Вот эта, пусть количественная продуктивность свидетельствует об интенсивной работе. Не всегда количество переходит в качество, но сплошь и рядом все-таки переходит, и имена, которые я назвал – это настоящие (молодые или немолодые) философы. Да, с 90-х годов начался подъем и этот подъем совершенно несопоставим с тем, что было в советские времена, потому что в советские времена, может быть, и было много хорошего – вроде бесплатной медицины и т.д., но философии там не было и не могло быть. Эта основная моя мысль. Российская философия началась в 90-е годы и развивается достаточно бурно.

В.А. Лекторский: Российская философия по своему очень интересна, имеет большие традиции и до революции, и после. Ни одна развитая культура не может обойтись без самоосознания и поэтому всегда предполагает оригинальную философскую мысль. И такая оригинальная философская мысль была в России. Сегодня всеми признано, что понять русскую культуру начала XX века, да и конца XIX века, не учитывая русской религиозной философии, невозможно, потому что

очень многие наши великие поэты, писатели, композиторы, художники – были связаны с этим мощным философским движением.

По поводу послереволюционного периода распространено мнение, что когда посадили философов на печально известный «Философский пароход», философская мысль в России исчезла. Но это в высшей степени неточно. Как раз после революции, в двадцатые годы произошел мощный взлет философии, я считаю, в это время были высказаны такие идеи, которые ничуть не уступают тому, что было сделано до революции. Казалось бы, в условиях идеологической догматизации, когда победили большевики и стали силой насаждать марксизм, не может развиваться философия, поскольку она – свободная мысль по определению. Формально это правильно, но именно в двадцатые годы в нашей стране появились интереснейшие люди, и их идеи только сейчас начинают осознаваться в мире. Назову хотя бы два имени: это М.М. Бахтин, величайший философ; он и культуролог, и литературовед, но он именно философ, он вынужден был заниматься литературоведением, потому что в тех условиях не мог заниматься чистой философией. А второе имя – Л.С. Выготский, который, исходя из философских идей, основал культурно-историческую школу в психологии. На Западе эти имена признаны, там есть целая «индустрия Бахтина», в Манчестере действует мировой центр по изучению Бахтина, а что касается Выготского, то многие западные философы и психологи (некоторых я знаю лично), пишут, что в истории психологии есть два периода – до Выготского и после Выготского. Конечно, в тридцатые-сороковые годы была тяжелая ситуация, в том числе для философии, но потом, уже во второй половине двадцатого века, в нашей стране начался, если можно так сказать – «философский ренессанс», появились интереснейшие философы. Мы сейчас их изучаем, готовим к изданию серию «Философия России второй половины XX века» (я – главный редактор серии), буквально через полгода выйдет восемнадцать томов сразу. Книги о Лосеве, Ильенкове и Зиновьеве уже изданы в ноябре этого года. Остальные тома посвящены Бахтину, Рубинштейну, Мамардашвили, Библеру, Батищеву, Петрову, Смирнову и другим. Это величайшее богатство очень современных идей!

Россия – страна с большой философской культурой, но идеи русской философии только сейчас начинают осваиваться. И это не случайно: ведь русская религиозная философия была связана с православием, которое на Западе не распространено, это другой культурный ареал, другой контекст осмысления и обсуждения философских проблем. Хотя философские проблемы, конечно, едины, но они, как я уже говорил, конкретизируются применительно к конкретной культуре, к конкретному периоду и каждая культура выходит на общую философскую

проблематику под своим углом зрения. И поэтому говорить, что философия – только то, что было в Германии и во Франции, а все остальное не философия – наивно: в Китае, в Индии своя философия, не похожая на западную, но это тоже философия. Кстати, Всемирный конгресс в Сеуле показал, что эта мысль начинает осознаваться все больше: может и должно быть разнообразие философских подходов. Так постепенно будет усваиваться и русская философия: Бахтин и Выготский уже освоены, Зиновьев на Западе достаточно известен, об Ильенкове публикуются книги, проводятся семинары, в частности, в Финляндии был международный семинар; по наследию Лосева в сентябре этого года прошел семинар во Франции. Словом, философская мысль России начинает осознаваться и привлекать внимание и странах иной культуры и других философских традиций.

Кстати, не все страны имеют оригинальную философию, многие её не имеют. Так, в США до недавних пор не было оригинальной философии, если не считать прагматизма. После войны они притянули к себе философов из разных стран, и те стали создавать американскую философию. Сейчас в США, конечно, есть интересная философия, своя, специфическая, там интересные люди, многих я знаю лично – но большой философской традиции, такой, как, например, в Европе, у США всё же нет. Россия, конечно, без философии не может обойтись – с ее вековыми культурными традициями, с той ролью, которую она играет в мире, с ее литературой, признанной во всем мире – Толстой, Достоевский, Чехов, и, наконец, с такой метафизической склонностью, какую всегда имели русские люди.

А.А. Гусейнов: Будущее российской философии зависит, в том числе, от разного рода чиновничьих решений, от стремления каким-то образом урезать философию, прежде всего, как обязательный предмет для вузов – от этих мыслей полностью не отказались. Но если бы такое произошло, это была бы колоссальная потеря для российской культуры! Россия в целом ряде областей имеет несомненные преимущества, и одно из важнейших завоеваний России, одна из высот российской культуры в том, что Россия, безусловно, стала философской нацией, нацией, которая говорит свое слово в философии и саму себя осознает в философских категориях и перспективах. Не все народы, не все нации поднимались до такой ступени. Россия поднялась, она вошла в число философских наций, это надо понимать, надо ценить, а наши чиновники, к сожалению, в этом отношении не всегда на уровне.

«РФГ»: наша газета проводит принципиальную линию, ее смысл, если коротко, в том, что эволюция мышления продолжается, происходит взаимопроникновение, взаимообогащение гуманитарного и

естественнонаучного мышления, что ведет к мудрости и было бы правильно, чтобы руководящие посты на государственных должностях занимали люди мудрые. Ваша точка зрения?

А.А. Гусейнов: Мышление будет развиваться и нам нужно новое представление о мышлении: мышление не просто познавательный инструмент, не просто способ отражения внешней реальности, но мышление означает определенный уровень эволюции мира и задает, предполагает определенный способ жизни человека. Мы живем человеческой жизнью не только тогда, когда испытываем удовольствие, умножаем свое благополучие и т.д., мы живем человеческой жизнью именно тогда, когда мыслим. Мышление, философское мышление в особенности связано, конечно, с мудрым способом существования людей. Но это вовсе не значит, что философы должны управлять, и что они могут мудро управлять. И еще вопрос – хотят ли они управлять. Во всяком случае у Платона, который выдвинул эту идею мудрецы становились правителями не в силу собственного желания, а в силу долга.

Т.И. Ойзерман: Сближение гуманитарных и так называемых естественных наук – процесс, который идет через ряд промежуточных дисциплин: когнитивные науки – это гуманитарные, но вместе с тем они входят в сферу естественных наук. Или, например, такие промежуточные дисциплины, как антропология, психология – они считаются естественнонаучными, но они и гуманитарные науки. Кроме того, мы обнаруживаем, что физики и математики, которые делают свои научные открытия, в основном, лет до 30, максимум до 40 – потом начинают заниматься гуманитарными науками, становятся гуманитариями. Наш Нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург последние тридцать лет в основном занимается гуманитарными вопросами, пишет статьи, книги, регулярно делает публичные выступления. Так что старое противопоставление гуманитарных и естественных наук, когда некоторые академики (не буду называть их имена) говорили, что есть науки естественные и неестественные – это все давно отпало.

В.С. Степин: В этом вопросе есть глубокий смысл. Происходит своеобразное взаимодействие, взаимопроникновение гуманитарных и естественных наук. И для этого есть глубокие основания. Естественные и технические науки наших дней интенсивно изучают сложные развивающиеся системы. Эти системы часто устроены так, что в них включен человек. Скажем, биолог изучает жизнь и эволюцию биосферы. Но ведь человек является ее частью, деятельность человека влияет на биосферу. Это система, в которую человек включен. И таких объектов очень много, они становятся предметами естественных наук и технологий. Современные нано- и биотехнологии имеют дело со сложными

развивающимися, человекомерными системами. Но с такими системами работают и социально-гуманитарные науки. Поэтому возникает много общих идей в методологии современного естествознания, технических и социально-гуманитарных наук.

Но есть еще одна важная область их взаимодействия – этическое регулирование исследований. Выясняется, что исследование сложных человекомерных объектов и их технологические освоения невозможно, если не учитывать, что есть такие линии развития этих объектов, где возникают зоны риска, опасные для самого человека. Эти зоны надо заранее учесть, в них нельзя попадать. И тогда возникает потребность в социально-гуманитарной экспертизе научных программ и проектов. В этических комитетах состыкуются позиции научных и технических разработчиков с позицией философов, этиков, общественно-политических деятелей, специалистов по экологии и даже представителей церкви.

Наука не перестает быть наукой, ориентированной на исследование, на открытие законов. Существуют принципы внутренней этики науки: ищи истину и наращивай истинное знание. Соответственно есть два запрета – на предумышленное искажение истины и на плагиат. Этих принципов и запретов долгое время было достаточно, чтобы развивалась наука, но сейчас они недостаточны, нужно дополнительно соотносить поиск истины с гуманистическими идеалами и выбирать такие русла исследований, чтобы соблюдался гиппократовский принцип – не навреди человеку.

В.А. Лекторский: То, что идет движение навстречу наук гуманитарных и наук точных и в будущем возможен даже какой-то их сплав – эта идея А.К. Казьмина интересна, я ее разделяю и даже об этом писал. И, конечно, желательно также, чтобы на руководящих постах государства стояли мудрые люди. Этот тезис очень важен, но у моей позиции есть отличие: я считаю, что следует различать политика, который принимает решение, и эксперта, который дает ему советы и консультации. Эксперт политика заменить не может, но то, что современная политика все в большей степени должна учитывать мнение специалистов-экспертов – это для меня бесспорно, потому что мы вступаем в цивилизацию знаний, и теперь не обойтись без тех, кто обладают знаниями, могут их вырабатывать, обосновывать, предлагать политикам возможные решения. И как раз большой минус российской политики в том, что часто у нас не считались с мнением специалистов. Сколько, например, было интереснейших рекомендаций, разработок Российской Академии наук, в том числе российских экономистов,

даваемых в правительство в связи с реформами, которые не принимались во внимание! А.К. Казьмин, конечно, прав, наука, специалисты играют большую роль, они должны выработать программы, а политики должны обсуждать их реализуемость в данных условиях, поэтому политик и сам должен быть подготовлен, поскольку, если политик невежда, полуграмотный человек, он не может даже понять то, что ему предлагают.

«РФГ»: ваши пожелания газете.

Т.И. Ойзерман: Маркс начинал свое философствование в «Рейнской газете» и не просто потому, что был редактором газеты, а потому, что был убежден: философия должна стать газетным работником, должна идти в массы, идти к людям. Эта мысль и по сей день не потеряла своей актуальности, хотя, конечно, когда я читал «Рейнскую газету» – просто брал ее из архива – то видел: в наших газетах такого не бывает, чтобы целыми страницами печатались философские статьи. Но, может быть, в «Российской философской газете» что-то подобное возможно. Хочу пожелать, чтобы «Российская философская газета» внимательно следила за развитием нашей философской мысли и за ее успехами, сообщала о наиболее ярких книгах, издаваемых в МГУ, в Институте философии, в других местах нашей страны, помещала отзывы. Газета должна быть ближе к жизни философских учреждений, вникать в нее, рассказывать о защите интересных диссертаций, об интересных дискуссиях и т.д.

В.А. Лекторский: Ваша газета интересна, те номера, что я читал, мне кажутся любопытными. Сейчас возникает масса философских вопросов в связи с социальными, политическими, экономическими, культурными проблемами – все это в газете освещается, и надо это продолжать. Пожелал бы больше информировать о событиях философской жизни – о форумах, конференциях, юбилеях выдающихся философов. Вот, например, академик Т.И. Ойзерман получил недавно премию «Триумф», впервые философу эту премию присуждают. Вот о таких событиях, которые интересны не только для узкого сообщества, но и для широкой публики, думаю, надо газете рассказывать. В общем-то, газета хороша, и надо продолжать идти по этому пути.

А.А. Гусейнов: Деятельность газеты, как любой формы философской активности, можно только приветствовать. Но нельзя забывать, что философия – строгая наука, у философии есть свои критерии точности и адекватности и поэтому рассуждения на философские темы не могут быть, образно говоря, «безразмерными». Философия в какой-то мере является, конечно, предметом и темой публичного обсуждения и потому интерес к ней в газетном формате

понятен, но все-таки надо помнить: философия – дело профессиональное, требующее специальной и очень серьезной подготовки. Когда любая область знания переходит на газетную площадь, всегда начинаются упрощения, вульгаризации – и по-другому не бывает. А в случае философии эта опасность особенно велика и об этом надо помнить и по возможности избегать.

В.С. Степин: Газета должна заниматься пропагандой философских знаний, у нее должна быть массовая аудитория, поскольку газета адресована не только философам-профессионалам и, может быть, не столько им, сколько людям, которые могут заинтересоваться философией. Поэтому нужно искать доступный, простой, яркий способ изложения фундаментальных философских идей и современных проблем, над которыми сегодня работает философия. Если редакция сможет выйти на такой уровень, тогда газета сыграет важную роль в осознании общественностью тех проблем, которые без философии не решить.

Январь 2009 г.

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>